

Базовые понятия миссионерского служения в восприятии современного священства Русской православной церкви в азиатских регионах России*

М. С. Алексеева

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Российская Федерация, 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Для цитирования: Алексеева М. С. Базовые понятия миссионерского служения в восприятии современного священства Русской православной церкви в азиатских регионах России // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 2. С. 317–339.
<https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.209>

Статус миссионерской деятельности современной Русской православной церкви, ее состояние неоднозначно оценивает даже православное священство. Отождествление миссии и социального служения, отрицание эффективности и самого наличия православной миссии, диаметрально противоположные оценки планирования и контроля миссии — все это сказывается на стратегиях современной миссионерской деятельности. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать понимание базовых понятий миссионерской деятельности, задач и принципов реализации миссии современным священством в азиатских регионах России. Исследование сфокусировано на следующих регионах Внутренней Азии: Алтай, Иркутская область, Бурятия, Тыва, Хакассия; за пределами России — Монголия. Основным методом формирования эмпирической базы послужил экспертный опрос в виде серии полустандартизированных интервью с православными иереями азиатских регионов России. Кроме того, в число экспертов были включены участники миссионерских экспедиций и преподаватели миссиологии из неазиатских епархий, а также пасторы протестантских церквей и ученые-религиоведы. Для оценки соответствия высказываемых трактовок традиционным положениям применялся сравнительный анализ текстов Священного Писания относительно миссии, трудов представителей святоотеческой традиции, богословов, отдавших дань миссионерскому богословию. В результате проведения экспертного опроса прояснилось понимание статуса миссионерской деятельности в современном обществе, соотношения миссии и социального служения; также в статье отражено внимание священства к разграничению миссии и катехизации. Выделен приоритет внутренней миссии. При корне-

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта № 21-011-44156 по направлению «Теология» по теме «Миссионерская деятельность Русской православной церкви на территории Внутренней Азии в условиях трансграничья (XVII–XXI вв.)».

- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2024
- © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024

вой неизменности цели и принципов миссии, переживших столетия, необходимо говорить об их новых формах и аспектах реализации. Рассмотрены принципы миссионерского служения.

Ключевые слова: миссия, внутренняя миссия, внешняя миссия, социальное служение, катехизация, мотивация миссии, принципы миссионерского служения.

Введение

Тема возрождения миссионерского служения Русской православной церкви, наряду с вопросами богословского и религиозного образования, еще в середине 1990-х годов была обозначена Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II как одна из ключевых для подлинного восстановления церковной жизни в России. Одновременно актуализировались изучение богословских аспектов миссии, уяснение ее онтологического статуса и мотивов, методов, исходя из необходимости преодоления стереотипа о «немиссионерском» характере Русской православной церкви, по выражению А. Шмемана¹.

Прошло почти 30 лет, однако названный стереотип по-прежнему не преодолен. Потребность коренных перемен в этом направлении продиктовала изменения, произошедшие 29 декабря 2021 г., когда был реорганизован синодальный миссионерский отдел, а возглавлявший его митрополит Иоанн, архиепископ Белгородский и Старооскольский, сменил на должности председателя этого отдела и назначен руководителем нового подразделения, отвечающего за работу миссионерских станом. Смена руководства не всегда означает негативную оценку деятельности предыдущего деятеля, но всегда указывает на желание серьезных перемен и новых подходов. Прежняя практика оказалась не очень плодотворной из-за отсутствия необходимого финансового и кадрового обеспечения — при ресурсном дефиците любые благие идеи остаются недостижимыми в полной мере.

Реанимирующими действиями на данном этапе должны стать четкое оформление принципов работы воссоздаваемого Православного миссионерского общества и внедрение проектного метода работы. О том, что проектный метод в управлении уже не инициатива отдельных лиц и учреждений, а глобальная управленческая стратегия, говорит появление правовых актов, регулирующих применение проектного метода на уровне государственного и регионального управления². В силу реализации предложенных на местах проектов и их конкурсного отбора миссионерская деятельность из абстрактного понятия должна превратиться в комплекс

¹ Шмеман А. Миссионерский императив // Шмеман А. Собрание статей (1947–1983). М.: Русский путь, 2009. С. 20.

² Постановления Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ»; Правительства Бурятии № 469 от 21.09.2017 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Республики Бурятия». Доступны в СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.06.2024).

мероприятий с бюджетом, кадровой поддержкой, конкретными сроками и ожидаемыми результатами. Проектная деятельность, в отличие от деятельности рутинной, повторяемой многократно, без четких временных рамок, является комплексом мероприятий, имеющим точку отсчета и видимое окончание, финальную дату, а завершение проекта означает не просто дату, но и получение планируемых результатов. Проект, в том числе миссионерский, направляется поставленными задачами, ожидаемыми результатами, временными и иными ресурсными ограничениями.

При имеющемся непонимании между частью научного сообщества и частью священства все едины в диагнозе духовного состояния и общества и уровня воцерковления. Большой разрыв между называющими себя православными и являющимися таковыми хотя бы по самому минимальному набору важнейших показателей отмечается давно. Однако на признании этой неоднозначной ситуации единство заканчивается; далее даже в рядах священства встречаются разные подходы к реализации миссионерского служения, к пониманию его современного статуса, целей, состояния и критериев оценивания.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы проанализировать понимание базовых понятий миссионерской деятельности, задач и принципов реализации миссии современным священством в азиатских регионах России. В чем сегодня состоит суть миссии? Как соотносятся миссия и катехизация? Является ли социальное служение формой и инструментом миссии, или же это разные направления? Исчерпан ли экстенсивный путь развития православия в мире? Не является ли интенсивный путь, путь внутренней миссии, запущенным; не требует ли он полной переориентации сил церкви? Эти вопросы важны для построения внутренней непротиворечивой стратегии церковных институтов в современном обществе, а восточный вектор России — это не только геополитические реалии, но и, возможно, фактор возврата к истокам.

1. Обзор литературы

Миссионерскую деятельность можно рассматривать как сложное переплетение свободного духа и целенаправленности. Миссия в последнем аспекте — это изначально нормируемая деятельность, что отражено в евангельских текстах, где имеются указания, даваемые апостолам: в какие селения идти, что с собой брать, какими быть в общении с людьми и т.д. Миссионерская деятельность, будучи вписанной в конкретный историко-культурный и географический контекст, обрела различными нормативными формами и практиками, закрепляемыми в том числе документально. Среди современных нормативных документов особое значение имеет Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви, утв. Синодом 27.03.2007. До ее принятия имелись и иные важные источники: программные статьи 1990-х годов Патриарха Москов-

ского и Всея Руси Алексия II (1998)³, Иоанна, архиепископа Белгородского и Старооскольского (1999)⁴, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (1998)⁵, учебники и учебные пособия по миссиологии⁶, научно-богословские работы по проблемам православной миссии в «Миссионерском обозрении», в «Трудах Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью)» и др.

Среди богословских трудов, раскрывающих цели, методы, историю и современное состояние, богословские аспекты миссионерской деятельности, выделим труды архим. Анастасия Яннулатоса⁷, протопресв. Иоанна Мейендорфа⁸, протопресв. Александра Шмемана⁹, богослова Джеймса Иакова Стамулиса¹⁰, прот. Бориса Пивоварова¹¹, Николая Тельписа¹² и др.

Кроме того, в качестве первоисточников можно назвать сочинения великих православных подвижников веры, которые, вместе с их жизнеописаниями, также становятся предметом активного изучения: Макария Глухарева, Николая Японского, Иннокентия Иркутского (Кульчицкого), Иннокентия Московского (Вениаминова), Онуфрия Гагалюка, Иоанна Кронштадского. Так как данное исследование фокусировалось на миссии среди азиатских народов (и в России, и за ее пределами, прежде всего на территории соседской Монголии), большое внимание уделено работам, посвященным истории миссии среди народов данных регионов. По сей день не теряют актуальности работы прот. Иоанна (Беляева)¹³, еп. Вениамина

³ *Алексий II*. О миссии Русской православной церкви в современном мире // Церковь и время. 1998. № 1 (4). С. 8–14.

⁴ *Иоанн, архиеп. Белгородский и Старооскольский*. Миссия церкви в правильном понимании: эклезиялогические и канонические обоснования // Православная миссия сегодня / сост. прот. Вл. Федоров. СПб.: Апостольский город, 1999. С. 40–50.

⁵ *Кирилл, митр. Смоленский и Калининградский*. Благовестие и культура // Церковь и время. 1998. № 1 (4). С. 15–34.

⁶ Православная миссия сегодня / сост. прот. Вл. Федоров. СПб.: Апостольский город, 1999; Миссиология: учеб. пособие / отв. ред. А. Гинкель. М.: Миссионерский отдел Русской православной церкви, 2010; *Иоффе Г., прот.* Практическая миссиология: пособие. URL: <https://azbyka.ru/katehizacija/prakticheskaya-missiologya.shtml> (дата обращения: 15.06.2024).

⁷ *Анастасий Яннулатос, архим.* Православие и миссия // Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня / пер. с англ. М.: Правосл. Св.-Тихон. богосл. ин-т, 2003. С. 421–438.

⁸ *Мейендорф И.* Православная церковь и миссия: прошлое и перспективы нашего времени // Там же. С. 397–420.

⁹ *Шмеман А., прот.* Миссионерский императив.

¹⁰ *Стамулис И.* Православное богословие миссии сегодня.

¹¹ *Пивоваров Б.* История миссионерской деятельности Русской православной церкви и современность // Миссионерское обозрение. 1997. № 1 (15). С. 20–23.

¹² *Тельпис Н.* Богословский анализ понятия «миссия церкви». СПб.: С.-Петербург. духовн. акад., 1998.

¹³ *Беляев И. И.* Русские миссии на окраинах: историко-этнографический очерк «Кавказская миссия»: (исторический очерк распространения и восстановления христианства среди осетин). Ростов н/Д.: Книга, 2008.

Селенгинского¹⁴, архим. Гурия (Степанова)¹⁵, архим. Дионисия (Валединского)¹⁶, священн. Ефрема (Е. А. Кузнецова)¹⁷, прот., члена Совета Православного миссионерского общества А. В. Никольского¹⁸, Эспера Ухтомского¹⁹.

Эксперты второй половины XIX — начала XX в., анализируя обширные дневниковые материалы, накопленные благодаря трудам как самих миссионеров, так и организаторов миссий, обстоятельно писали о насущных проблемах, сопровождавших миссию. Говоря о проблемах Забайкальской миссии, Э. Ухтомский отмечал поражающее отсутствие главного условия успеха в миссионерском служении — «любви к тем, кого хотели возродить нравственно»²⁰. В докладе «О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье» в 1892 г., цитируя служебные записки 1860–1870-х годов, он подробно пишет о неудовлетворительном составе миссионеров, приводит факты их неуместного и зловердного поведения: «...некоторые из них грубы, пьяны, невежественны, жгут и оскорбляют предметы бурятского культа»²¹.

Кроме оценки определенных духовных издержек, критика коснулась и подготовленности восточных народов к миссии. Обер-прокурор Священного синода в своем отчете за 1896–1897 гг. отметил, что только шесть миссионеров (из 20) знают бурятский язык; также архим. Дионисий приводит слова К. Д. Носилова: «В большинстве случаев наш миссионер является к инородцам совсем неподготовленным: ни к обстановке, ни к обычаям, неизвестным ни с верованиями, ни с образом жизни инородцев»²².

Уже в то время вопрос о языке богослужения и проповеди среди коренных народов Сибири касался соотношения этнической и конфессиональной идентичности. О противоположности взглядов на этот вопрос свидетельствуют, в частности, письма, с одной стороны, казанского миссионера Н. И. Ильминского и главы Алтайской духовной миссии (в 1865–1883 гг.) епископа Томского Владимира (Петрова), считавших необходимым просвещение народов на их родном языке для внутреннего, глубокого, а не просто внешнего принятия православия; а с другой — епископа Селен-

¹⁴ Вениамин, еп. Селенгинский. Письма из Посольского монастыря. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1864; Письма Вениамина, епископа Иркутского к казанскому архиепископу Владимиру. М.: Тип. Н. П. Рябушинского, 1913.

¹⁵ Гурий Степанов, архим. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Казань: Центр. тип., 1915.

¹⁶ Дионисий Валединский, архим. Современное состояние, задачи и нужды православного инородческого миссионерства в Сибири. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1905.

¹⁷ Кузнецов Е., св. Деятельность Забайкальской духовной миссии за сорокалетие ее существования с 1860 по 1899 г. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1902.

¹⁸ Никольский А. Забайкальская духовная миссия (1681–1903 гг.). М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1904.

¹⁹ Ухтомский Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: Синод. тип., 1892.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ Там же. С. 7.

²² Дионисий Валединский, архим. Современное состояние... С. 118.

гинского (в 1862–1868 гг.), епископа (с 1878 г. архиепископа) Иркутского Вениамина (Благонравова) и его подчиненных, отрицавших такую необходимость и рассматривавших миссию православия как сопряженную с миссией по обрусению народов²³.

В исследованиях внешней миссии, обращенной к азиатским народам, рассматривались особенности, составляющие сложность миссионерского поля. Еще в отчетах по миссии XVIII–XIX вв. отмечалась такая сложность, как сила привычки к старому образу жизни²⁴.

Обобщая 40-летие Забайкальской духовной миссии (с 1860 по 1900 г.), св. Е. Кузнецов отметил основные инструменты: просвещение в школах и училищах, расположение библиотек при монастырях, организация лечебниц при них же²⁵. Давая характеристику миссионерскому полю, автор отмечал значительные отрицательные факторы: огромные и сложные для пересечения пространства, климатические особенности, связанные и с психологией, кочевой образ жизни, препятствующий глубокому усвоению опыта христианской жизни. Однако главной проблемой называлось Положение Правительства о ламаистском духовенстве Восточной Сибири, вышедшее в 1853 г., которое на фоне недостатка станов и миссионеров и апатичности местных властей давало привилегии в построении стройной организации ламского духовенства, препятствовавшего православной миссии среди коренных народов²⁶. Православная миссия дореволюционного периода в Забайкалье предстает в значительной мере как миссия «вопреки», в большей степени полемическая, направленная против прежних представлений и традиций.

Миссия на Алтае замечательно исследована Б. Пивоваровым²⁷, Ю. А. Крейдун²⁸, изданы сотни трудов, посвященных ее истории, этапам развития, вкладу отдельных просветителей, прежде всего Макария Глухарева, Михаила Чевалкова и др.

²³ Письма Вениамина, епископа Иркутского к казанскому архиепископу Владимиру. С. 109.

²⁴ Ухтомский Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. С. 97–98.

²⁵ Кузнецов Е., св. Деятельность Забайкальской духовной миссии... С. 3–5.

²⁶ Там же. С. 8–10.

²⁷ Из духовного наследия алтайских миссионеров: сб. / сост., вступ. ст. и примеч. прот. Б. Пивоварова. Новосибирск: Изд-во Правосл. гимназии им. преп. С. Радонежского, 1998; Пивоваров Б., прот. Научное описание фондов Алтайской духовной миссии: дис. ... магистра богословия. Т. 1–5. Новосибирск; Загорск: Московская духовная академия, 1987–1988.

²⁸ Крейдун Ю. А.: 1) Деятельность Макария Глухарева по обустройству первых миссионерских станов на Алтае // Макарьевские чтения: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Г. Бабин, С. К. Носов. Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2002. С. 10–14; 2) Первый миссионерский стан на Алтае // Алтайский архивист. 2002. № 2. С. 189–194; 3) Алтайская духовная миссия в 1830–1919 годы: структура и деятельность. М.: Правосл. Св.-Тихон. гуманитар. ун-т, 2008; Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: сб. архивных документов / сост. Ю. А. Крейдун. Барнаул: Барнаул. духовн. семинария; Алтайский дом печати, 2016.

В целом исторический вклад в изучение православной миссии в азиатских регионах Сибири значителен, широко известны богословские труды, меньше же всего представлен социологический анализ миссионерской деятельности. В то же время отметим вклад в разработку аспектов современной внешней миссии, особенно в Монголии, таких исследователей, как прот. Н. Корниенко, А. М. Плеханова, А. В. Михалев. Положительным примером можно назвать исследование современной православной миссии канд. социол. наук С. Д. Лебедевым, который призвал рассматривать ее не только с точки зрения духовного стержня, но и в социальном измерении, в социокультурной плоскости. Игнорирование мирского аспекта миссии и фокусирование исключительно на спасении превращают ее в недостижимую задачу и неуловимый для измерения феномен. Чтобы качественно работать с мифами и стереотипами, авторы призывают миссионеров к владению социологическим инструментарием, в частности при построении модуля обратной связи. Согласимся с ними и в том, что сегодня само определение миссии «представляется одной из самых актуальных ее проблем. Анализируя выступления и статьи, посвященные вопросам православной миссии, нельзя не отметить разнородность и порой противоречивость формулировок»²⁹.

Оценки методов и результатов современной миссионерской деятельности также противоречивы³⁰. В этом контексте представляется актуальной цель исследования: проанализировать понимание базовых понятий миссионерской деятельности, задач и принципов реализации миссии современным священством в азиатских регионах России. Объектом исследования является миссионерское служение Русской православной церкви в регионах внутренней Азии, как в России, так и за ее пределами (на примере Монголии), предметом — понимание статуса, цели и принципов миссионерской деятельности внутри церковных институтов на современном этапе.

2. Методы исследования

Для оценки соответствия высказываемых трактовок традиционным положениям православного вероучения применялся сравнительный анализ текстов Священного Писания относительно миссии, трудов представителей святоотеческой традиции, богословов, отдавших дань богословию миссии.

Для отражения современного понимания специфики миссионерской деятельности использованы материалы экспертного опроса, проведенного посредством серии полустандартизированных интервью.

---

²⁹ Лебедев С. Д., Москаленко А. А. К социологическому анализу современной православной миссии: культурно-рефлексивный подход // Вестник Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2011. № 2 (7). С. 200–208.

³⁰ Кураев А. * Миссионерский кризис православия. М.: Никея, 2010.

* Внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

Экспертами на данном этапе исследования выступили 39 чел.

Большая часть участников опроса (67%) — представители азиатских епархий Русской православной церкви в России (шесть епархий из восьми представленных в опросе): Абаканской (два эксперта), Барнаульской (семь экспертов), Улан-Удэнской и Бурятской (12 экспертов), Иркутской и Ангарской (один эксперт), Кызыльской (четыре эксперта), Северобайкальской и Сосновоозерской епархии (один эксперт).

Доля участников из европейских епархий Русской православной церкви в России составила 12,8%; в данном случае привлекались участники миссионерских экспедиций по Восточносибирским и Дальневосточным российским регионам, а также преподаватели миссиологии, авторы работ по православной миссиологии: Белгородской и Старооскольской (четыре эксперта), Санкт-Петербургской и Ладужской (один эксперт) епархий.

Один эксперт привлечен от православного сообщества в зарубежной внутренней Азии.

В целом доля православных экспертов в опросе составила 79,5%, поэтому в значительной степени представленные оценки — взгляд изнутри.

Для отражения внешнего взгляда на миссию были привлечены эксперты других религиозных сообществ, пасторы протестантских церквей г. Улан-Удэ (четыре эксперта) и эксперты внеконфессиональных институтов, научные кадры в области социологии культуры (два эксперта).

Беседа строилась вокруг следующих вопросов: статус миссионерской деятельности; особенности современного миссионерского поля; нормативная основа и принципы миссионерской деятельности; особенности работы с молодежью и миссия через образование; основные проблемы в современной православной миссии; соотношение миссии как организованной и контролируемой деятельности и миссии как служения, инициативной деятельности, творческого порыва; информационное пространство и мера эффективности его использования в целях миссии; эталоны миссионерского служения в истории и на современном этапе; вопросы повышения миссионерской квалификации; возможности измерения эффективности миссии и наличие личного удовлетворения от миссионерского служения.

В силу ограниченности объема статьи все исследованные аспекты не могут быть представлены в полном объеме в одной работе, поэтому акцент делается на понимании базовых дефиниций: статуса и целей миссии, соотношения с социальным служением, понимания и интерпретации основных принципов миссионерского служения.

3. Результаты исследования

3.1. Миссионерская деятельность церкви как самостоятельное направление

3.1.1. Миссия vs социальное служение

Изначально вопрос о самостоятельности миссии в современных реалиях не ставился, в перечне вопросов его не было, но одним из экспертов высказан довольно интересный тезис о статусе миссии. Миссионерская деятельность представлена не как отдельное самостоятельное явление, а скорее как составляющая и эффект социального служения церкви (и. 22³¹), т. е. всей многоплановой работы с пожилыми людьми, молодежью, заключенными и т. д. «Та же миссионерская деятельность, которая велась до XX в., когда нужно было ехать куда-то на край земли и рассказывать что-то людям, которые ничего не слышали про Христа, окончилась вместе с завершением освоения новых пространств» (и. 39).

В приведенных высказываниях информантов, по сути, два смысловых блока, хотя и взаимосвязанных: 1) миссия сегодня уже не та миссия, какой она была до начала XX в., и это связано как с глобальной трансформацией технологий, так и с изменениями права, психологии, ментальности, духа; 2) сегодня социальная позиция церковью более активна и реализуется в форме социального служения. Эти два тезиса стали отправными в экспертном опросе.

Что касается первой части, то в целом она принята православными экспертами:

Да, это не те же обстоятельства, что в XIX в., сейчас другие коммуникации, люди интернетом пользуются, пользуются телевидением, в частности каналом «СПАС», если им тема эта сама по себе интересна. При желании они могут познакомиться с христианством, основами церковной жизни, учения. Поэтому когда в этот населенный пункт приезжает батюшка, то уже не в полной мере «на пустое место» (и. 29).

В то же время территория России огромна и освоена неравномерно, где-то нет до сих пор храмов, нет стабильных общин, нет священников, а люди с потребностью в них есть:

И сегодня мы ездим по таким поселкам, где ничего нет — ни храмов, ни дацанов. Но есть открытость людей идеям. Много людей встречаем, которые очень далеки от веры. И не только среди бурят, но и среди крещеного населения достаточно много таких, что крестились, но Евангелия так и не открывали <...>. Сегодня многие ведут работу больше в городе, не все хотят ехать в отделенные поселки. Мы же активны, я сам лично каждый год на неделю выезжаю на севера. Там есть люди, которые живут на островах,

---

³¹ Здесь и далее в скобках указывается порядковый номер информанта в списке экспертов, приведенном в конце статьи.

отрезаны от мира, и об этом некоторые миссионеры даже не знают. Хотя я сам родом с Украины, но я знаю. В Баунтовском районе есть селение Уакит, и оно полностью отрезано от мира водой. Это остров, на котором живут люди — раньше 30 семей, а сегодня уже 8. Они очень рады, когда мы к ним приезжаем, в том числе с медицинской помощью (и. 25).

От территориальной отдаленности перейдем к полной или частичной оторванности от традиций. Современные миссионеры конца XX — начала XXI в. вновь столкнулись с огромными территориями, которые были когда-то приобщены к христианству, но после советских годов забвения утратили соответствующие традиции. Задача миссионера сегодня сделать так, чтобы Священное Писание перестало быть музейным экспонатом, забытой книгой, чтобы оно стало живым свидетельством истины в жизни каждого. Эта проблема отнюдь не нова — в XIX в. Н. С. Лесков заметил: «Христианство еще на Руси не проповедано»³². В этом смысле миссия не теряет актуальности.

Вторую часть тезиса, в которой происходит отождествление миссионерского дела с социальным служением, большинство экспертов не приняло. Приведем некоторые их суждения на этот счет.

Приходя в больницу, оказывая помощь бедным, ни в коем случае не нужно в лоб что-то говорить: вот нужно молиться, нужно верить во Христа. В первую очередь надо помочь человеку в его сложной ситуации, и только когда человек спросит, откуда вы и почему вы мне помогаете, только тогда, с его личного вопроса, с его интереса, проявленного к вере, к тому, чем я занимаюсь, начинать говорить. Поэтому считать социальное служение заменяющим миссионерство ни в коем случае нельзя (и. 34).

Миссия — это работа с теми, кто ничего не знает про Иисуса Христа, про жизнь вечную. Ты пошел, рассказал, они пришли в церковь. А социальное дело — это отдельно (и. 38).

Миссионерское служение — особое, потому что оно, как правило, призвано проповедовать не среди верующих людей, а среди людей, которые еще светом евангельским не просвещены (и. 8).

Социальная деятельность также важна, но надо помнить про конечную цель: для чего она совершается — все для проповеди слова Божия. У нас тоже есть социальное служение: развозим гуманитарную помощь, какие-то вещи собираем на приходе, но все это с целью проповеди слова. Иначе церковь теряет свое предназначение. Кстати, давайте подумаем: Господь наш мог бы легко всех накормить и дать сразу идеальное государственное устройство и прочее, прочее, но Он же не для этого является. Хотя Он где-то это использует: мы читаем, как Он один раз накормил 5000 мужей и второй раз накормил 4000 мужей, Он лечит, бесов изгоняет, но все это делается с целью понимания, научения Божией любовью. И мы также используем это, но для большего. Это не действие ради действия (и. 25).

---

³² Лесков Н. С. Соборяне // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 4. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. С. 59.

Более того, было высказано непонимание слишком активного увлечения социальным делом:

Батюшка из духовника превращается в какого-то психолога или социального работника. Хотя Господь прямо в писании сказал: «...кто поставил меня делить ваше имение?..» Я слышу, как мирские люди говорят, что церковь должна участвовать, оказывать помощь и т. д. И вот я вижу: подобно католикам, начинает обмирщаться церковь, заставляют монастыри и церкви создавать приюты, она превращается в еще один социальный отдел. А церковь — это покаяние, это молитва, это богослужение, это проповедь... (и. 31).

Было также высказано мнение о том, что в данном случае произошла подмена понятий: как сущность миссия как раз осталась, просто поменялись ее формы:

Даже если миссия в облачении социального служения, она остается самой собой, принимая как бы неявные, латентные формы. Однако эта латентная миссия — все же миссия (и. 23).

3.1.2. Миссия vs катехизация

Еще одна путаница в понимании миссии, по мнению экспертов, связана с тем, что ее путают с катехизацией:

Но задача миссионера привести в храм, чтобы человек принял решение о принятии крещения. А катехизация — углубление в основах принятого вероучения (и. 8).

Многие в миссионерских отделах занимаются катехизаторской деятельностью и приписывают это миссионерской своей деятельности. В отличие от катехизатора, миссионер — этот тот, кто приводит человека к порогу церкви, помогает сделать первые шаги. Оглашения мы миссией не называем (и. 6).

Миссионер — этот тот, кто приводит человека к порогу церкви и передает его катехизатору <...>. Поэтому это отдельная большая работа, которую с социальным служением никак не нужно отождествлять (и. 4).

В источниках 1990-х годов можно встретить определение внутренней миссии как катехизации: «Внутренней называют миссию внутри формальных, официальных границ Русской православной церкви, т. е. обращения к тем, кто как бы “числится” в церкви, будучи крещен, но не просвещен (такую миссию называют катехизацией). Внешняя миссия — миссия вне формальных границ церкви через научение — оглашение — крещение»³³.

В «Практической миссиологии» прот. Георгия (Июффе) катехизация рассматривается и как отдельное направление, и как один из аспектов миссии: «Катехизация — это миссионерская работа с конфессионально

³³ Иоанн, архиеп. Белгородский и Старооскольский. Миссия церкви в правильном понимании. С. 42.

определившимися людьми, готовящимися к святому Крещению, а также с теми, кто, будучи уже крещеным, не получил должного научения основам христианской веры. Цель такой миссии — включение приглашаемых, оглашаемых и крещеных людей в полноту церковной жизни, помощь в формировании православного содержания и стиля их жизни»³⁴.

3.1.3. Миссия + социальное служение

Вторая позиция по частотности — понимание миссии и социального служения как явлений глубоко переплетенных, которые нельзя прямолинейно разграничить:

Миссия является комплексным явлением, которое нельзя выделять из всего остального: социального служения, молодежного служения, катехизического и др. (и. 30).

Проповедь Христа, слова Божия важна так же, как и помощь, поэтому мы и просвещаем, и помогаем. Одно без другого в настоящее время существовать не может. Учитывая серьезные современные вызовы, состояние общества, ведь происходит расчеловечивание, необходимо человека вернуть человеку. Без любви человек не может быть человеком, а проповедь Евангелия — проповедь любви. Поэтому это нераздельно (и. 12).

Любой отдел выполняет и миссионерскую функцию (и. 9).

3.1.4. Миссия = социальное служение

Спорный тезис о фактическом тождестве нашел небольшую поддержку:

Так, наверное, и было всегда, так должно быть на самом деле. Социальное служение всегда сопряжено с миссионерством. Это служение человека в каждый момент его жизни (и. 19).

Специальной какой-то миссионерской деятельности нет, она вся через добрые дела ближнему идет. Такая стихийная миссия, в которой участвуют не только служители церкви, но и все прихожане (и. 4).

Люди видят, что мы христиане не только на словах, но и своими делами. И я своим работникам говорю, что мы своими делами всем показываем, что церковь заботится не только о духовной жизни, но и о материальном. Нам важно, чтобы люди не голодали, чтобы людям было во что одеться и т. д. Церковь — это как мать. Мать же не только нас учит жизни, но помогает материально. Я вот свое миссионерство вижу с этого угла зрения (и. 9).

Греческий богослов, философ, публицист Николаос Ниссиотис еще в 1980-е годы писал: «Большая ошибка думать, что, обсуждая социальные проблемы, анализируя общественные процессы, помогая получить образование или просто помогая материально, мы осуществляем миссию... Для тех, кто вне церкви, есть единственная насущная необходимость: обратиться и стать членом этого сообщества в видимой, конкретной форме»³⁵.

³⁴ Иоффе Г. Практическая миссиология. С. 32.

³⁵ Цит. по: Миссиология / отв. ред. А. Гинкель. С. 115.

Если говорить о традиционном понимании миссионерской деятельности, о преемственности, тогда в ответе на спорный вопрос необходимо исходить из текстов Священного Писания. Вектор развития миссионерства идет в направлении от внутренней миссии к внешней: сначала для «дома Израилева», а затем для «всех народов».

В Концепции миссионерской деятельности Русской православной церкви содержится следующее определение миссии, обоснованное текстами Евангелия: «Миссия (свидетельство) — проповедь для пробуждения веры <...>. Она направлена на спасение каждого человека»³⁶. Само слово «миссия», исходя из этимологии, — поручение, «великое поручение» (от лат. *missio* — «посылка, поручение»), по-гречески звучит как апостольство (*apostolos* — «посланник», от *apostello* — «посылать»)³⁷.

Для понимания сути миссии следует определить, ради чего осуществляется это посланничество. Цитируя Евангелие, можем увидеть следующие указания: проповедовать (Мф 10:7; Мк 3: 13–14; 16: 15–16), благовествовать, «творить волю Отца», «свидетельствовать об истине», «принести плод» (Ин 15:16), «ловить человеков» (Мф 4:19). И только однажды в Евангелии от Луки, наряду с проповедью, перечисляются практические, материально значимые цели — врачевание от болезней, изгнание бесов: «Создав же двенадцать, дал силу и власть над всеми бесами и врачевать от болезней и послал их проповедовать Царствие Божие и исцелять больных» (Лк 9: 1–2). Иными словами, в первую очередь миссия — посланничество и поручение: научить (научить из любви) и привести в лоно Церкви, чтобы быть «единым телом».

3.2. Миссия внутренняя и внешняя: современные приоритеты

Сегодня в России осознается приоритет миссии внутренней, о чем высказался председатель Синодального миссионерского отдела епископ Луховицкий Евфимий:

Миссия в традиционном ключе воспринимается как проповедь неправославным народам. Но сразу скажу, что для России [это] не самая типичная ситуация. <...> Как говорит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, на территории России приоритетным направлением должна быть миссия внутренняя. <...> Внутренняя миссия тождественна, по сути, развитию церковно-приходской жизни. Казалось бы, это разные задачи. Но на самом деле эти задачи внутри миссионерского поля. Если не будет налажена нормальная церковно-приходская жизнь, то миссионеры будут тщетно трудиться. Их труд будет обесценен. Люди придут, но они не увидят в наших храмах того, о чем им говорил миссионер, — полноценной евхаристической

³⁶ Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 15.06.2024).

³⁷ Происхождение слова «апостол» // Этимологический словарь Г. А. Крылова. URL: <https://lexicography.online/etymology/a/апостол> (дата обращения: 15.06.2024).

жизни, богослужebной и внебогослужebной, — тогда человек разочаруется и уйдет. Уйдет туда, где ему будет предложена альтернатива. Вопросы внутренней миссии остаются приоритетными, но разделяем их только методологически. Важно и то и другое, иначе все равно, что говорить, какая рука важнее, правая или левая³⁸.

Если применять экономические термины, возможности экстенсивного пути снизились, необходимо уже пойти интенсивным путем, о чем высказались многие эксперты:

Может, та, внешняя миссия, больше актуальна там, на Сахалине, или в Приморье. Ну а здесь другая миссия, связанная с тем, что 70 лет было безбожие. С нуля приходится поднимать церковную жизнь. Некоторые церковные институты до сих пор не полностью оправились, например монашество (и. 2).

Один путь другого не исключает, но сейчас, конечно, важно усилить внутреннюю миссию, которая была упущена в 1990-е годы. Я помню массовые крещения 90-х годов, никакой катехизации... кроме небольшого напутствия под крики и гомон младенцев... Тогда вкладывались в основном в стены, в реставрацию возвращенных зданий, но не вкладывались в людей, все это теперь приходится лет десять как расхлебывать, наверстывать (и. 30).

Человек, с которым мы работаем, — это, как правило, человек когда-то крещенный, но не пришедший к вере, не воцерковленный. В первую очередь миссионерская деятельность должна быть направлена на эту категорию, потому что в процентном соотношении это бóльшая часть миссионерского поля. <...> В постсоветский период народ крестили толпами, со временем кто-то остался в храме. Здесь уже вопрос личностных отношений с Богом. Здесь уже воля человека, его чувство религиозности, и мы можем тут только напутствовать, в его вере заново наставить. По сути, как некрещеного. С одной стороны, когда он крестился, он взял на себя определенные обязательства, с другой стороны, он эти обязательства не выполнял. Сначала люди бросились в храмы креститься, потому что был духовный голод. Была мода на таинства <...>. Потом постепенно, когда государство пришло в себя, приоритеты у людей стали меняться. Ситуация стала меняться по мере улучшения благосостояния наших граждан. Мир теперь больше тянет к себе, мирские интересы более сильно воздействуют, привлекают. Взгляд на Запад, как они красиво живут. Вектор менялся, и в храмах оставались только люди, осознанно считающие себя православными (и. 17).

Проповедовать в мире язычников — одно, а проповедовать среди крещенных, но не просвещенных, а их 90%, — это уже другое, непросто. Убежденных в том, что они и есть уже православные. У них уже есть свое понимание христианства. Получается такая двойная работа: просвещать тех, кого наскоро крестили (и. 3).

---

³⁸ Евфимий, епископ Луховицкий, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси (Моисеев Дмитрий Александрович), из доклада на 6-м съезде православных миссионеров Сибири (20–28 июля 2022 г., г. Кызыл). Аудиозапись // Архив автора.

Нет, это (обращение коренных народов. — М. А.) уже не надо выделять, это уже глупости. Это уже прошлый век. Сейчас все перемешались, и многие не знают своих традиционных языческих представлений и ничем таким не отличаются. <...> Мы и есть Монголия, нам бы себя просветить (и. 19).

...это путь (внутренней миссии. — М. А.) более благоприятный, более естественный. С другой стороны, одно другое не исключает. Просто акцент делается на тех, кто уже затронут этими идеями (и. 23).

Таким образом, опрос отразил восприятие внутренней миссии как направления приоритетного, хотя и не исключающего внешней миссии.

Осмысляя конечную цель миссии, И. Стамулис, как и А. Яннулатос, пишет о прославлении Бога, однако на пути к конечной цели можно выделить промежуточные цели-средства:

Ближайшей целью миссии является учреждение поместных церквей. Составляющими этой цели являются:

- проповедь Евангелия;
- обращение язычников и пробуждение «номинальных» христиан;
- вовлечение обращенных в активную церковную жизнь;
- мобилизация Церкви во всей ее Полноте и во всех ее проявлениях³⁹.

3.3. Принципы миссионерской деятельности

Изменились ли принципы миссионерской деятельности? В целом нет, но они приобрели новые формы и аспекты реализации.

3.3.1. Принцип свободы во Христе

В миссионерской инструкции XIX в. говорилось об обязанности проповедника «учить, увещевать, напоминать без насилия»⁴⁰; принцип свободы является одним из основополагающих, в его реализации также заметна преемственность традиций Русской православной церкви. Сегодня этот принцип исполняется полностью:

С одной стороны, в жизни каждого человека осуществляется Божий замысел, а с другой — выбор в конечном счете человек должен сделать сам, свободно. Есть разные традиции, и люди ищут по-разному ответы на свои главные вопросы, но наша задача — донести правильно, что есть православие. В чем красота и сила православия (и. 32).

Именно в предоставлении свободы заключается отличие миссии от прозелитизма, ведь под последним принято подразумевать прямую или косвенную попытку воздействия на религиозность человека другого вероисповедания с целью склонения к вероотступничеству путем обмана, утаивания правды. Происходит нарушение принципа свободы человеческой воли⁴¹.

³⁹ Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня. С. 171.

⁴⁰ Ухтомский Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. С. 5.

⁴¹ Миссиология / отв. ред. А. Гинкель. С. 118.

Дело обращения к Богу — свободный акт, не терпящий давления, это таинство, описанное в Евангелии через образ маленького зернышка. Зерно растёт незаметно, вырастает большое дерево, которое даёт свои плоды. Однако «ничего не делать», полагаясь на волю Божью, было бы ошибкой:

Нельзя думать так самонадеянно, что вот мы поработали и люди пришли, крестились. Но есть, с другой стороны, вот такая железная закономерность: сегодня в секту сходили, сразу после этого люди как-то приходят. Миссионеры трудятся, показывают Богу свое стремление. Бог, видя это, приводит в храмы людей. Миссионер не скажет, что это он потрудились. Но если он не потрудится, Господь не приведет (и. 6).

3.3.2. Принцип канонического основания миссии

Данный принцип предполагает, что в основании миссии и конечных формах ее реализации лежат принципы, сформулированные в Священном Писании, Предании, святоотеческой традиции. Все эксперты проявили единодушие в этом вопросе.

3.3.3. Принцип использования разных языков

Это принцип, подробно отраженный в книге Деяний апостолов (2: 1–9) и их посланиях, по сей день остается важным. Э. Ухтомский указывал на владение инородческими языками как на важный пункт инструкции, которой должен был следовать каждый сибирский миссионер⁴². Наиболее положителен в этом отношении опыт Николая Японского, Макария Глухарева.

Рассмотрим реализацию данного принципа на примере использования бурятского языка. Э. Ухтомский описывает сложности при попытках перевода если не всего Нового Завета, то хотя бы одного Евангелия на бурятский еще в самом начале XIX в., когда было некое воодушевление, связанное с переводом Евангелия от Матфея на калмыцкий язык. В 1817 г. в Петербург отправились зайсаны Нолто Унагаев и Бадма Маршунаев и толмач Василий Татауров. На перевод и его издание хоринцы добровольно пожертвовали 11 480 руб., однако данная миссия в силу разных причин, в том числе смертей некоторых участников, была не исполнена.

На монгольский язык Библия была переведена в Селенгинске иностранными миссионерами Уильямом Своном и Эдвардом Сталлибрасом. В 1840 г. вышел в свет монгольский перевод Ветхого Завета, а в 1846 г. Сталлибрас переиздал в Лондоне монгольский перевод Нового Завета. В 1911 г. Ларсон и Алмблад пересмотрели перевод Евангелий и Деяний, а в 1913 г. — книгу Бытия и Ионы, скорректированные издания были опубликованы Британским библейским обществом.

12 ноября 2010 г., спустя 100 (!) лет, в Улан-Удэ был представлен перевод Нового Завета на бурятский язык. В 2013 г. преподаватели Бурятского

⁴² Ухтомский Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. С. 6.

государственного университета Л.Халхарова и В.Патаева перевели на бурятский язык Литургию святого Иоанна Златоуста.

8 июля 2021 г. в храме Михаила Архангела г. Улан-Удэ, а также осенью того же года в селениях Джидинского района Бурятии иерей Давид Лупсанов отслужил литургии с частичным включением переведенных на бурятский язык текстов.

12 марта 2022 г. в Михаило-Архангельском Харлампиевском храме г. Иркутска службу на бурятском языке возглавил митрополит Ангарский и Иркутский Вениамин; событие было отмечено присутствием ряда ученых из Бурятии, благодаря которым оно смогло состояться.

Оценки в священнической среде разные:

Большая часть бурятского населения, которое ходит в храмы, не нуждается в этом, потому что понимают русский язык (и. 15, и. 37).

Надо понимать, что сама по себе служба на бурятском языке не привлечет туда людей и прямо завтра. Поэтому это, с одной стороны, необходимо, но не должно являться самоцелью (и. 32).

Работа ведется, но есть необходимость того, чтобы было больше носителей местного языка в среде священнослужителей (и. 5, и. 13).

У нас, наверное, это только начало пути. Причина в том, что наша епархия молодая, она только 12 лет назад образована. И потом ритм жизни у нас тоже иной: более неспешный, такой размеренный, и это сказывается на инициативах, на «легкости на подъем» (и. 10).

Проблема в том, чтобы активнее проводить службы на бурятском языке в районах, а не только в городе. Чтобы не получалась потемкинская деревня (и. 16).

Это такой очень важный момент для того, чтобы разрушить ложное мнение о том, что православие в нашей стране — это религия славян и только славян. Проповедь на языке коренного населения — это очень важно (и. 5).

3.3.4. Принцип понимания

Проблема понимания литургии рассматривается не только в контексте использования инородческих языков, но и в контексте перехода от церковно-славянского к русскому церковному языку, более понятному для населения. В Евангелии сказано: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф 22: 37). Апостол Павел пишет: «...когда я молюсь на *незнакомом* языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (1 Кор 14: 14). Сегодня постепенно, фрагментами вводится русский церковный язык, частично адаптированный к нормам современного русского литературного языка, но этот процесс идет неравномерно. Оценки священничества осторожные:

Если даже перевести все — не факт, что эти тексты сразу станут понятными. Еще есть такое понятие как «ментальность языка». Язык молитвы, богословского текста — это не просто набор символов, звуков — это опре-

деленного качества ментальность. Переводим язык, но ментальность при этом остается чуждой (и. 39).

Есть некоторые вещи, которые сложно будет правильно воспринять в переводе. Есть у нас практика, когда отрывок из Евангелия прочитывается еще раз на русском и идет объяснение его сути. С комментариями во время проповеди. В церковно-славянском языке есть красота особая, нас тянет его использовать (и. 12).

Если на русский перевести, перестанут ходить (и. 34).

Вспомним, что произошло с современной католической церковью. Как только начались мессы на языке местных народов, посещение их резко упало. Растворивать, изъяснять нужно. Но не переводить само богослужение (и. 23).

Миссию нужно воспринимать не только с внешней стороны, это дело духовное. Человек не приходит не потому, что язык не тот, а потому, что что-то внутри него есть, что не дает ему быть с Богом, от чего он не может отказаться. Все остальное — часы патриарха, непонятный язык, бабки злые — это все отговорки для успокоения совести. Совесть-то взывает — ну вот он и оправдывается. Поэтому мы, конечно, со своей стороны стараемся делать все, чтобы человеку было удобно, но не это приводит к Богу, это помогает лишь остаться (и. 6).

Не нужно опускать христианство, подстраиваясь под кого-то... надо искать какие-то методы просвещения. <...> Если посмотрите на наши многие великопостные службы, в них многочисленные ветхозаветные аллюзии, имена из ветхозаветной истории. Если мы их и переведем, то все равно мало кто будет понимать, кто такой царь Озия, в чем виноват Давид. Все же сначала должна быть какая-то минимальная начальная подготовка... Перевод переводу рознь. Многие противники аргументируют тем, что перевод десакрализирует многие богословские понятия. Это действительно так, тем более у переводчиков разные богословские уровни, разные культурные уровни. Но есть удачные переводы. Свято-Филаретовский институт под руководством о. Г. Кочеткова создал хорошие переводы на язык, называемый церковно-русским. Мудро сказал Святейший Патриарх Кирилл на собрании московского священства в октябре 2019 г.: при согласии церковных общин можно начинать включать чтение Писания на церковном русском языке, Евангелие и Апостол (и. 8).

Мы служим на русском языке, наполовину. <...> Я очень радуюсь тому, что люди стали понимать. Хороший перевод есть; знаете, сколько открывается интересного (и. 33).

Реализация данного принципа не сводится к частичному использованию современного русского церковного языка. Для того чтобы проповедь миссионера была понятной, самому миссионеру требуется понять свою потенциальную паству, людей, к которым он собирается обратиться, учитывать социально-демографические характеристики своей паствы, исторический, географический, культурный контекст. Найти те самые слова, которые дойдут до самого сердца, но в то же время будут понятны.

Заключение

Исследование показало неодинаковое понимание статуса миссионерского служения, его соотношения с другими направлениями, а в ряде случаев — подмену понятий, отождествление с катехизацией либо с социальным служением. Понимание миссии как социального служения или как своего рода катехизации нивелирует ее самостоятельное значение, хотя все направления церковной жизни тесно переплетены.

При интерпретации основных принципов миссионерского служения священство продемонстрировало диаметрально разные подходы к использованию как языков коренных народов, так и современного церковного русского языка в литургии. При этом все же есть преемственность в понимании переводов как важного инструмента в сохранении культурного наследия, языкового своеобразия народов, их идентичности. Здесь наблюдается сложная диалектика задач: проповедь должна подчеркивать единство народов в духе, а не акцентировать отличия, но при этом не унифицировать народные культуры, а сохранять этнокультурное разнообразие.

Миссионерское служение требует выхода за церковную ограду и одновременно из зоны комфорта. Это сложное и «принципиально не технологичное» служение, оно требует любви. Имеются положительные примеры такой деятельности: достижения Макария Глухарева, Николая Японского, Иннокентия Иркутского, Иннокентия Вениаминова и др. Благодаря их служению и оставленным рукописям современная отечественная миссиология имеет необходимые эталоны деятельности, опора на которые будет оформлять русскую миссионерскую традицию.

Если брать миссию не как институализированную практику, а как широкое явление, в котором участвуют не только специально направляемые деятели — носители особых знаний и умений, но и абсолютно все члены христианских общин (как и должно быть), то такая миссия никогда не прерывалась по заповеди Серафима Саровского: «Спасись сам, и тысячи вокруг тебя спасутся».

Благодарности

Автор благодарит за организацию экспертного опроса и возможности работы в научных библиотеках высокопреосвященнейших владык, управляющих епархий: митрополита Улан-Удэнского и Бурятского Иосифа; митрополита Барнаульского и Алтайского Сергия; управляющего Кызыльской епархией архиепископа Корейского Феофана; ректора Белгородской духовной семинарии прот. Алексея Куренкова; проректора по учебной работе Белгородской духовной семинарии прот. Сергея Дергалева; проректора по учебной работе Санкт-Петербургской духовной академии Владимира Хулапа; прот. Георгия (Иоффе) за вдохновляющую миссионерскую службу в домовом храме во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» при клинике на ул. Боткина г. Санкт-Петербурга; всех экспертов, принявших участие в опросе; завкафедрой теологии Бурятского

Информанты — участники экспертного опроса

1. Архиепископ Ф. (Кызыльская епархия).
2. Иерей А. (Барнаульская епархия).
3. Иерей А. (Барнаульская епархия).
4. Иерей А. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
5. Иерей А. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
6. Иерей А. (Кызыльская епархия).
7. Иерей А. (православный храм Улан-Батора).
8. Иерей В. (Белгородская и Старооскольская епархия).
9. Иерей В. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
10. Иерей В. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
11. Иерей В. (Кызыльская епархия).
12. Иерей Д. (Барнаульская епархия).
13. Иерей Д. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
14. Иерей К. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
15. Иерей Н. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
16. Иерей П. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
17. Иерей Р. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
18. Иерей С. (Барнаульская епархия).
19. Иеромонах И. (Белгородская и Старооскольская епархия).
20. Информант В. (Барнаульская епархия).
21. Информант М. (Кызыльская епархия).
22. Информант от научного сообщества Е. (Санкт-Петербург).
23. Информант от научного сообщества С. (Белгород).
24. Информант от православной общины Улан-Батора Я. (Улан-Батор).
25. Пастор А. (Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии).
26. Пастор Д. (христиан веры евангельской (пятидесятников)).
27. Пастор С. (христиан веры евангельской (пятидесятников)).
28. Пастор С. (христиан веры евангельской (пятидесятников)).
29. Протоиерей Г. (Барнаульская епархия).
30. Протоиерей Г. (Санкт-Петербургская и Ладожская епархия).
31. Протоиерей Е. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
32. Протоиерей Е. (Иркутская и Ангарская епархия).
33. Протоиерей И. (Абаканская епархия).
34. Протоиерей М. (Барнаульская епархия).
35. Протоиерей М. (Белгородская и Старооскольская епархия).
36. Протоиерей Н. (Северобайкальская и Сосновоозерская епархия).
37. Протоиерей О. (Улан-Удэнская и Бурятская епархия).
38. Протоиерей Р. (Абаканская епархия).
39. Протоиерей Ю. (Белгородская и Старооскольская епархия).

Статья поступила в редакцию 11 января 2023 г.;
рекомендована к печати 22 февраля 2024 г.

Контактная информация:

Алексеева Мария Сергеевна — ст. преп.; mashera1107@yandex.ru

Basic concepts of missionary service in the perception of the modern priesthood of the Russian Orthodox Church in the Asian regions of Russia*

M. S. Alekseeva

Banzarov Buryat State University,
24a, ul. Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russian Federation

For citation: Alekseeva M. S. Basic concepts of missionary service in the perception of the modern priesthood of the Russian Orthodox Church in the Asian regions of Russia. *Issues of Theology*, 2024, vol. 6, no. 2, pp. 317–339. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.209> (In Russian)

The status of the missionary activity of the modern Russian Orthodox Church, its condition is characterized by ambiguous assessments even within the Orthodox priesthood itself. The identification of mission and social service, the denial of the effectiveness and even the very existence of an Orthodox mission, diametrically opposed assessments regarding the planning and control of the mission — all these discrepancies affect the strategies of modern missionary activity. The purpose of the study is to analyze the understanding of the basic concepts of missionary activity, tasks and principles of mission realization by the modern priesthood in the Asian regions of Russia. The geographical focus of the study, the regions of Inner Asia, predetermined the priority choice of such regions as: Altai, Irkutsk region, Buryatia, Tyva, Khakassia; outside Russia — Mongolia. The main method of forming an empirical base was an expert survey in the form of a series of semi-standardized interviews with Orthodox priests of Asian regions. of Russia. The experts also included participants of missionary expeditions and teachers of missiology from non-Asian dioceses. As a result of the expert survey, the understanding of the status of missionary activity in modern society, the relationship between mission and social service became clearer, and the attention of the priesthood to the distinction between mission and catechism was reflected. The priority of the internal mission has been highlighted. The principles of missionary service are considered.

Keywords: mission, internal mission, external mission, social service, catechization, mission motivation, principles of missionary service.

Acknowledgments

The author is grateful for the organization of the expert survey and the opportunity to work in the scientific libraries of His Eminences, the bishops of the dioceses: Joseph, Metropolitan of Ulan-Ude and Buryatia; Sergius, Metropolitan of Barnaul and Altai; Archbishop Feofan of Korea, the administrator of the Kyzyl diocese; Rector of the Belgorod Theological Seminary, archpriest Alexey Kurenkov; Vice-Rector for Academic Affairs, archpriest Sergey Dergalev; Vice-Rector for Academic Affairs of the

---

* The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, within the framework of a grant in the direction of “Theology” no. 21-011-44156 on the topic “Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the territory of Inner Asia in the conditions of the trans-boundary (17th–21st centuries)”.

St. Petersburg Theological Academy of Vladimir Khulap; Geogry (Ioffe) for inspiring missionary service in the house church in the name of the Icon of the Mother of God “Assuage my Sorrows” at the Botkin st. clinic in St. Petersburg; all experts who took part in the survey, Head of the Theology Department of the Banzarov Buryat State University, Dr. Sci. in History S. V. Vasiliev for organizing trips.

References

- Alexey II (1998) “On the mission of the Russian Orthodox Church in the modern world”, in *Tserkov' i vremia*, vol. 1 (4), pp. 8–14. (In Russian)
- Anastasius Yannoulatos, archimandrite (2003) “Orthodoxy and mission”, in Stamulis I. *Orthodox theology of the mission today*. Transl. from English, pp. 421–438. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi iuniviersitet Publ. (In Russian)
- Belyaev I. I. (2008) Russian missions on the outskirts: Historical and ethnographic essay “Caucasian Mission”. Rostov-on-Don: Kniga Publ. (In Russian)
- Dionisii Valedinskii, archimandrite (1905) *The current state, tasks and needs of Orthodox non-native missionary work in Siberia*. Moscow, Pechatnia A. I. Snegirevoi Publ. (In Russian)
- Fedorov V., archpriest, comp. (1999) *Orthodox mission today*. St. Petersburg, Apostol'skii gorod Publ. (In Russian)
- Ginkel A., ed. (2010) *Missiology*. Moscow, Missionerskii otdel Russkoi pravoslavnoi tserkvi Publ. (In Russian)
- Gurii Stepanov, archimandrite (1915) *Essays on the history of the spread of Christianity among the Mongol tribes*. Kazan, Tsentral'naia tipografiia Publ. (In Russian)
- Ioann, archbishop of Belgorod and Starooskolsky (1999) “The mission of the Church in the correct understanding: ecclesiological and canonical justifications”, in *Pravoslavnaia missiia segodnia*. Comp. by archpriest V. Fedorov, pp. 40–50. St. Petersburg, Apostol'skii gorod Publ. (In Russian)
- Ioffe G., archpriest (2020) *Practical missiology*. Available at: https://missioner-tver.ru/wp-content/uploads/2020/11/prot_ieffe_praktmissiologiya.pdf (accessed: 15.06.2024). (In Russian)
- Kirill, metropolitan of Smolensk and Kaliningrad (1998) “Evangelism and culture”, in *Tserkov' i vremia*, vol. 1 (4), pp. 15–34. (In Russian)
- Kreydun Yu. A. (2002) “Activity of Makarii Glukharev on the arrangement of the first missionary camps in Altai”, in *Makar'evskie chteniia: sbornik nauchnykh statei*. Eds V. G. Babin, S. K. Nosov, pp. 10–14. Gorno-Altaysk, Univer-Print Publ. (In Russian)
- Kreydun Yu. A. (2002) “The first missionary camp in Altai”, in *Altaiskii arkhivist*, no. 2, pp. 189–194. (In Russian)
- Kreydun Yu. A. (2008) *Altai spiritual mission in 1830–1919: Structure and activity*. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi iuniviersitet Publ. (In Russian)
- Kreydun Yu. A., comp. (2016) *Missionary notes and diaries of employees of the Altai Spiritual Mission: Collection of archival documents*. Barnaul, Barnaul'skaia dukhovnaia seminariia Publ.; Altaiskii dom pečati Publ. (In Russian)
- Kuraev A.* (2010) *The missionary crisis of Orthodoxy*. Moscow, Nikea Publ. (In Russian)
- Kuznetsov E., saint (1902) *Activity of the Trans-Baikal Spiritual Mission for the fortieth anniversary of its existence from 1860 to 1899*. Moscow, Pechatnia A. I. Snegirevoi Publ. (In Russian)
- Lebedev S. D., Moskalenko A. A. (2011) “Towards a sociological analysis of modern Orthodox mission: A cultural-reflexive approach”, in *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politologiya. Religiovedenie*, no. 2 (7), pp. 200–208. (In Russian)
- Leskov N. S. (1957) “Soboryane”, in Leskov N. S. *Sobranie sochinenii*. In 11 vols, vol. 4, pp. 5–319. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ. (In Russian)

*Andrey Kuraev is included in the register of foreign agents by the Ministry of Justice of Russian Federation.

- Meyendorf I. (2003) “The Orthodox Church and the mission: The past and prospects of our time”, in Stamulis I. *Pravoslavnoe bogoslovie missii segodnia*. Transl. from English, pp. 397–420. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ. (In Russian)
- Nikolsky A. (1904) *Trans-Baikal Spiritual Mission (1681–1903)*. Moscow. (In Russian)
- Pivovarov B. (1997) “The history of the missionary activity of the Russian Orthodox Church and modernity”, in *Missionerskoe obozrenie*, no. 1 (15), pp. 20–23. (In Russian)
- Pivovarov B., comp. (1998) *From the spiritual heritage of the Altai missionaries: collection*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Pravoslavnoi gimnazii imeni prepodobnogo Sergiia Radonezhskogo. (In Russian)
- Pivovarov B. (1987–1988) *Scientific description of the funds of the Altai Spiritual Mission*. Master Thesis in Theology. In 5 vols. Novosibirsk; Zagorsk, Moskovskaia dukhovnaia akademiia Publ. (In Russian)
- Schememan A. (2009) “The missionary imperative”, in *Schememan A. Collection of articles (1947–1983)*, pp. 20–25. Moscow, Russkii put' Publ. (In Russian)
- Stamulis, I. (2003) *Orthodox theology of the mission today*. Transl. from English. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ. (In Russian)
- Telpis N. (1998) *Theological analysis of the concept of the mission of the church*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaia dukhovnaia akademiia Publ. (In Russian).
- Ukhtomsky, E. (1892) *On the state of the missionary issue in Transbaikalia*. St. Petersburg, Sinodal'naia tipografiia Publ. (In Russian)
- Veniamin, bishop of Irkutsk (1913) *Letters of Veniamin, Bishop of Irkutsk to Archbishop Vladimir of Kazan*. Moscow, Tipografiia N. P. Riabushinskogo Publ. (In Russian)
- Veniamin, bishop of Selenga (1864) *Letters from the Embassy Monastery*. Moscow, Pechatnia A. I. Snegirevoi Publ. (In Russian)

Received: January 11, 2023
Accepted: February 22, 2024

Author's information:

Maria S. Alekseeva — Senior Lecturer; mashera1107@yandex.ru